

Алексей Толстой
Сказки

«ФТМ»

Толстой А. Н.

Сказки / А. Н. Толстой — «ФТМ»,

Моя задача... сохранить при составлении сборника всю свежесть и непосредственность народного рассказа. Для этого я поступаю так: из многочисленных вариантов народной сказки выбираю наиболее интересный, коренной, и обогащаю его из других вариантов яркими языковыми оборотами и сюжетными подробностями. Разумеется, мне приходится при таком собирании сказки из отдельных частей, или «реставрации» ее, дописывать кое-что самому, кое-что видоизменять, дополнять недостающее, но делаю я это в том же стиле – и со всей уверенностью предлагаю читателю подлинно народную сказку, народное творчество со всем богатством языка и особенностями рассказа...

© Толстой А. Н.

© ФТМ

Содержание

РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ	5
РУСАЛКА	5
ИВАН ДА МАРЬЯ	8
ВЕДЬМАК	10
ВОДЯНОЙ	11
КИКИМОРА	12
ДИКИЙ КУР	13
ПОЛЕВИК	14
ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛАЯ АЛИЦА	15
СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХ	16
СТРАННИК И ЗМЕЙ	18
ПРОКЛЯТАЯ ДЕСЯТИНА	20
ЗВЕРИНЫЙ ЦАРЬ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Николаевич Толстой

Сказки

РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ

РУСАЛКА

Во льду дед Семен бьет прорубь – рыбку ловить. Прорубь не простая – налажена с умом. Дед обчертил пешней круг на льду, проколупал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешней. Хлынула спертая, студеная вода, до краев наполнила прорубь.

С водой вошли рыбки – снеток, малявка, плотва. Вошли, поплавали, а назад нет ходу – не пускает кольцо. Посмеялся своей хитрости дед Семен, приладил сбоку к проруби канавку – сачок заводить и пошел домой, ждать ночи – когда и большая рыбина в прорубь заходит. Убрал дед Семен лошадь и овцу – все свое хозяйство – и полез на печь. А жил он вдвоем со старым котом на краю села в мазанке. Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею. – Что ты, неугомонный, – спрашивал дед, – или мышей давно не нюхал? Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что. «Пустяки», – думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошел на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком постукивать по льду. – Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завел сачок и вытянул его полный серебряной рыбешки.

«Что за диво, – думает дед, – никогда столько рыбы не лавливал. Да смиренная какая, не плещется».

Завел и еще столько же вытянул. Глазам не верит: «Нам с котом на неделю едева не проесть».

Посветил фонарем в прорубь – и видит на дне около кольца лежит темная рыбина.

Распоясался дед Семен, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьет, – смиренная. Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками, и – домой... – Ну, – говорит, – котище, поедим на старости до отвала, смотри...

И вывалил из полы на стол. И на столе вытянула зеленый плес, руки сложила, спит русалка, личико – спокойное, детское... Дед – к двери, ведро уронил, а дверь забухла, – не отворяется. Русалка спит...

Обошелся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал – не кусается, и грудь у нее дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, – горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в головах шапку старую положил, отнес туда русалку, а чтобы тараканы не кусали, – прикрыл решетом. И сам на печку залез, да не спится. Кот ходит, на решето глядит... Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из снетков варить, горшок валится, чаду напустил... Вдруг чихнуло... – Кот, это ты? – спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза, – светятся. Пошевелила губами: – Что это ты, дед, как чадишь, не люблю я чаду.

– А я сейчас, – заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь. – Проснулась? А я тебя было за шуку опознал. Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные. Русалка говорит: – Дед Семен, я есть хочу.

– А я сейчас, вот только, – дед помялся, – хлебец ржаной у меня, больше ничего нет. – Я леденцов хочу.

– Сейчас я, сейчас... – Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу, – куда мне овца? Куплю леденцов...» Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами. Русалка схватила в горсть леденцов – да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула...

Кот сидел на краю печки, злой, урчал. Приходит к деду внучонок Федька, говорит: – Сплети, дед, мочальный кнут...

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало. Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решетку.

– Деда, а деда, что это? – кричит Федька и тянет русалку за хвост... Она кричит, руками хватается за кирпичи.

– Ах ты озорник! – никогда так не сердился дед Семен; отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: – Не балуй, не балуй... Басом ревел Федька: – Никогда к тебе не приду... – И не надо. Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда – старый рыжий кот... – Ох, недоброе, кот, задумал, – говорил дед.

Кот молчал. А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или еще выдумала: – Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать – продал дед лошадь, принес из города сундучок камушков и янтарную нитку. – Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зеленый плес с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась. Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на нее просмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие. Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы...

– Дед, дед! – закричала русалка. – Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло. Забилась русалка, вывертывается. Дед на печь, оттащил кота. – Удуши кота, удуши кота, – плачет русалка. – Кота-то удушить? – говорит дед. – Старого!.. – Он меня съест. Скрутил дед тонкую бечевку, помазал салом, взял кота, пошел в хлев. Бечевку через балку перекинул, надел на кота петлю. – Прощай, старичок... Кот молчал, зажмурил глаза. Ключ от хлева дед бросил в колодезь. А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лед, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семен окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер ворвался в низкую избу. Молча соскочила с печи русалка, поднялась на руках. Глядит в окно, не сморгнет, высоко дышит грудь. – Дед, дед, возьми меня: я к девушкам хочу. – Как же мы пойдем, засмеют они нас. – Я хочу, возьми меня. – Натерла глаза и заплакала.

Дед смекнул. Положил русалку за пазуху, пошел на выгон, где девушки хоровод водили. – Посмотрите-ка, – закричали девушки, – старый приплелся!..

Дед было барахтаться... Ничего не помогло – кричат, смеются, за бороду тянут. От песней, от смеха закружилась стариковская голова.

А солнышко золотое, ветер степной... И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, – впилась...

Замотал дед головой да – к речке бегом бежать... А русалка просунула пальцы под ребра, раздвинула, вцепилась зубами еще раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут.

С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот. Да мало что наплести можно про старого деда!

ИВАН ДА МАРЬЯ

Десятая неделя после пасхи – купальские дни. Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава. В озера, на самое зеленое дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера, в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

Это присказка, а сказка вот какая. Жили-были брат Иван да сестра Марья в избенке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нем дурная: водяной шалит. Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышиных заводях, захлопают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячься – под воду утянет. Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

– Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты – ни ногой, песни не пой над озерной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят... – Слушаю, братец! – говорит Марья.

Ушел Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела: Где ты, месяц золотой? – Ходит месяц над водой, – В глыбко озеро взглянул, В темных водах утонул. Вдруг стукнуло в ставню. – Кто тут? – Выдь к нам, выдь к нам, – говорят за ставней тонкие голоса. Выбежала Марья и ахнула. От озера до хаты – хороводы русалочки. Русалки-мавки взяли за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут! – обступили ее мавки, венки надели...

– К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. – Взяли Марью за руки и закружились. Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

– Здравствуй, Марья, – захрипел водяной, – давно я тебя поджидал... – И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришел Иван. Туда, сюда, – нет сестрицы. И видит – на берегу башмаки ее лежат и поясок. Сел Иван и заплакал. А дни идут, солнце ближе к земле надвигается. Настала купальская неделя.

«Уйду, – думает Иван, – к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю». Нашел за озером липку, ободрал, сплел лапти и пошел к чужим людям. Шел, шел, видит – стоит голая липка, с которой он лыки драл. «Ишь ты, назад завернул», – подумал Иван и пошел в другую сторону. Кружил по лесу и опять видит голую липку. – Наваждение, – испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают... Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом: – Не руби меня, милый братец... У Ивана и топор вывалился. – Сестрица, ты ли?

– Я, братец; царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко. – А нельзя тебе от водяного уйти?

– Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить. И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землей, поднимаются, и вверх в черную тучу мчится Иван. «Не упасть бы», – подумал и зацепился за серую тучу – зыбкое место.

Пошел по туче – ни куста кругом, ни травинки. Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка. – Зачем сюда пришел? – заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся. – Я за Полынь-травой, – поклонился Иван. – Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой. Легли они на спины, по одной ноге

подняли, зацепились, потянули. Силен мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают. Стал Иван перетягивать.

– Счастье твое, – рычит мужичок, – быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда твоего брата. Получай Полынь-траву. – И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревет, как загрохочет и язык красный из тучи то метнет, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит – сидит на земле страшный дед, водит усами...

– Пусти, – кричит Иван, – знаю, кто ты, не хочешь ли этого? – И ткнул водяному в лицо Полыньтравой. Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьем быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лес – на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе – Иван да Марья, Иван да Марья.

ВЕДЬМАК

На пне сидит ведьмак, звезды считает когтем – раз, два, три, четыре... Голова у ведьмака собачья и хвост здоровенный, голый.

...Пять, шесть, семь... И гаснут звезды, а вместо них на небе появляются черные дырки. Их-то и нужно ведьмаку – через дырки с неба дождик льется.

А дождик с неба – хмара и темень на земле. Рад тогда ведьмак: идет на деревню людям вредить.

Долго ведьмак считал, уж и мозоль на когте села. Вдруг заметил его пьяненький портной: «Ах ты, говорит, гад!» – И побежал за кусты к месяцу – жаловаться. Вылетел из-за сосен круглый месяц, запрыгал над ведьмаком – не дает ему звезд тушить. Нацелится ведьмак когтем на звезду, а месяц, – тут как тут, и заслонит.

Рассердился ведьмак, хвостом закрутил – месяц норовит зацепить и клыки оскалил.

Притихло в лесу. А месяц нацелился – да как хватит ведьмака по зубам...

Щелкнул собачьей пастью ведьмак, откусил половину у месяца и проглотил. Взвился месяц ущербный, свету невзвидел, укрылся за облако. А ведьмак жалобно завыл, и посыпались с деревьев листочки.

У ведьмака в животе прыгает отгрызенный месяц, жжет; вертится юлой ведьмак, и так и сяк – нет покоя...

Побежал к речке и бултыхнулся в воду... Расплескалась серебряная вода. Лег ведьмак на прохладном дне. Корчится. Подплывают русалки стайкой, как пескари, маленькие... Уставились, шарахнулись, подплыли опять и говорят: – Выплюнь, выплюнь месяц-то. Понатужился ведьмак, выплюнул, повыл немножко и подох. А русалки ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину.

На дне речки стало светло, ясно и весело. А месяц, что за тучей сидел, вырастил новый бок, пригладился и поплыл между звезд по синему небу. Не впервые ясному бока выращивать.

ВОДЯНОЙ

Лежит на возу мужик, трубочку посасывает – продает черного козла. А народу на ярмарке – труба нетолченая.

Подходит к мужику седой старец, кафтан на нем новый, а полы мокрешеньки. – Ишь угораздило тебя на сухом месте измочиться, – сказал мужик. Поглядел старец из-под косматых бровей и спрашивает: – А ты пустяки не говори; продажный козел-то? – Не для себя же я козла привел; продажный.

Сторговались за три рубля, старик увел козла, а мужик принялся в кисет деньги совать и видит – вместо трешницы лягушиная шкурка.

– Держите его, православные! – закричал мужик. – Водяной по ярмарке ходит!

Собрался народ: стали шуметь, рукавицами махать; мужика в волостную избу повели; продержали весь день и выпустили; и пошел он в сумерки домой, а дорога – лесом. Вдруг видит мужик: идет его козел, крутые рога опустил, топает ножками, а на нем верхом чучело сидит зеленое, рачьи усы растопыркою, глаза плоскими.

Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе – прыг в воду, очутились на зеленом дне.

– Ну, – говорит ему чучело, – народ мутить, меня ловить будешь али нет? – Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху. – А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сейчас не съел? – Мы народ рабочий, – отвечает мужик, – поработаю на тебя. – А что делать умеешь? – Неученые мы, батюшка водяной, только баклуши и бьем. – Хорошо, – говорит водяной, – бей баклуши... – и ушел.

Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить, сам плачет, рыдает. Много набил, целую кучу. Пришел водяной и удивился: – Ты что это вытворяешь? – Баклуши бью, как вы приказали. – А на что мне баклуши? Почесал мужик спину: – Ложки из них делать. – А на что мне ложки? – Горячее хлебать.

– Ах ты дурень, ведь я одну сырую рыбу ем. Ни к чему ты, мужик, не годишься. Держись. Щелкнул водяной мужика по маковке и обернул его в ерша.

Потом усы раздвинул, рот раскрыл и стал ерша заглатывать. А мужик, хоть и в ерша перевернулся, и тут угодить не мог; уперся водяному поперек горла щетиной. Закашлял водяной, задавился, вытащил ерша и выкинул его из воды на берег. Отдышался мужик, встал на ноги, с своим виде, почесался и сказал: – Ну да, оно ведь это тоже нелегко, с крестьянством-то.

КИКИМОРА

Над глиняным яром – избушка, в избушке старушка живет и две внучки: старшую зовут Моря, младшую Дуничка.

Один раз – ночью – лежит Моря на печи, – не спится. Свесила голову и видит.

Отворилась дверь, вошла какая-то лохматая баба, вынула Дуничку из люльки и – в дверь – и была такова. Закричала Моря. – Бабынька, бабынька, Дуньку страшная баба унесла...

А была та баба – кикимора, что крадет детей, а в люльку подкладывает вместо них полено.

Бабушка – искать-поискать, да, знать, кикимора под яр ушла в омут зеленый. Вот слез-то что было! Тоскует бабушка день и ночь. И говорит ей Моря: – Не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу. – Куда тебе, ягодка, сама только пропадешь.

– Отыщу да отыщу, – твердит Моря. И раз, когда звезды высыпали над яром, Моря выбежала крадучись из избы и пошла куда глаза глядят.

Идет, попрыгивает с ноги на ногу и видит – стоит над яром дуб, а ветки у дуба ходуном ходят. Подошла ближе, а из дуба торчит борода и горят два зеленых глаза...

– Помоги мне, девочка, – кричит дуб, – никак не могу нынче в лешего обратиться, опояшь меня пояском.

Сняла с себя Моря поясок, опоясала дуб. Запыхтело под корой, завозилось, и встал перед Морей старый леший. – Спасибо, девка, теперь проси чего хочешь. – Научи, дедушка, где сестрицу отыскать, ее злая кикимора унесла. Начал леший чесать затылок... А как начесался – придумал. Вскинул Морю на плечи и побежал под яр, вперед пятками.

– Садись за куст, жди, – сказал леший и на берегу омута обратился в корягу, а Моря спряталась за его ветки.

Долго ли так, коротко ли, замутился зеленый омут, поднялась над водой косматая голова, фыркнула, поплыла и вылезла на берег кикимора. На каждой руке ее по пяти большеголовых младенцев – игошей – и еще один за пазухой.

Села кикимора на корягу, кормит игошей волчьими ягодами. Младенцы едят, ничего, – не давятся.

– Теперь твоя очередь, – густым голосом сказала кикимора и вынула из-за пазухи ребеночка. – Дуничка! – едва не закричала Моря.

Смотрит на звезды, улыбается Дуничка, сосет лохматую кикиморину грудь. А леший высунул сучок корявый да за ногу кикимору и схватил... Хотела кинуться кикимора в воду – никак не может.

Игоши рассыпались по траве, режут поросычьими голосами, дрыгаются. Вот пакость! Моря схватила Дуничку – и давай бог ноги. – Пусти – я девчонку догоню, – взмолилась к лешему кикимора.

Стучит сердце. Как ветер летит Моря. Дуничка ее ручками за шею держит...

Уже избушка видна... Добежать бы... А сзади – погоня: вырвалась кикимора, мчится вдогонку, визжит, на сажень кверху подсигивает... – Бабушка! – закричала Моря.

Вот-вот схватит ее кикимора. И запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил ее утренний ветер, унес за овраг.

Бабушка подбежала. Обняла Морю, взяла Дуничку на руки. Вот радости-то было.

А из яра хлопал деревянными ладошами, хохотал старый дед-леший. Смешливый был старичок.

ДИКИЙ КУР

В лесу по талому снегу идет мужик, а за мужиком крадется дикий кур. «Ну, – думает кур, – ухвачу я его». Мужик спотыкается, за пазухой булькает склянка с вином. – Теперь, – говорит мужик, – самое время выпить, верно? – Верно! – отвечает ему кур за орешником... – Кто это еще разговаривает? – спросил мужик и остановился. – Я. – Кто я? – Кур. – Дикий? – Дикий... – К чему же ты в лесу? Кур опешил:

– Ну, это мое дело, почему я в лесу, а ты чего шляешься, меня беспокоишь? – Я сам по себе, иду дорогой... – А погляди-ка под ноги.

Глянул мужик, – вместо дороги – ничего нет, а из ничего нет торчит хвост петушинный и лапа – кур глаза отвел. – Так, – сказал мужик, – значит, приходится мне пропасть. Сел и начал разуваться, снял полушубок. Кур подскочил, кричит: – Как же я тебя, дурака, загублю? Очень ты покорный. – Покорный, – засмеялся мужик, – страсть, что хочешь делай. Кур убежал, пошептался с кем-то, прибегает и говорит:

– Давай разговляться, подставляй шапку, – повернулся к мужику и снес в шапку яйцо. – Отлично, – сказал мужик, – давно бы так. Стали яйцо делить. Мужик говорит: – Ты бери нутро, – голодно, чай, тебе в лесу-то, а я шелуху пожую. Ухватил кур яйцо и разом сглотнул. – Теперь, – говорит кур, – давай вино пить. – Вино у меня на донышке, пей один. Кур выпил вино, а мужик снеговой водицы хлебнул.

Охмелел кур, песню завел – орет без толку... Сигать стал с ноги на ногу, шум поднял по лесу, трескотню. – Пляши и ты, мужик... Завертел его кур, поддает крылом, под крылом сосной пахнет.

И очутился мужик у себя в хлеву на теплом назме... Пришла баба от заутрени... – Это ты так, мужик, за вином ходил...

– Ни-ни, – говорит мужик, – маковой росинки во рту не было, кур дикий меня путал.

– Хорошо, – говорит баба и пошла за кочергой. Принесла кочергу да вдруг и спрашивает: – Ну-ка повернись, что это под тобой? Посмотрела, а под мужиком лежат червонцы. – Откуда это у тебя? Стал мужик думать.

– Вот это что, – говорит, – кур это меня шелухой кормил... Дай бог ему здоровья... И поклонились мужик да баба лесу и сказали дикому куру – спасибо.

ПОЛЕВИК

На току, где рожь молотят, – ворох; ворох покрыт пологом, на пологу – роса. А под пологом девки спят...

Пахнет мышами, и на небе стоит месяц. По току шагает длинный Полевик, весь соломенный, ноги тонкие... – Ну, ну, – ворчит Полевик, – рожь не домолотили, а спят. Подошел к вороху, потянул за полог: – Эй, вы, разоспались, заря скоро! Девки из-под полога высовывают головы, шепчут: – Кто это, девоньки, или приснилось? Никак светает скоро. Дрожат с холоду, просыпаются. На хуторе за прудом кричат петухи.

К молотилке шагает Полевик; под молотилкой, накрывшись полушубками, спят парни. Постаскал с них Полевик полушубки: – Вставайте, рожь не домолочена. Парни глаза протирают... – Свежо, ребята, ай вставать пора...

На току ворошится народ, натягивают полушубки да кацавейки, ищут: кто вилы, кто грабли... Холодеет месяц. А Полевик уж в поле шагает. – Голо, голо, – ворчит Полевик, – скучно. Ляжет он с тоски в канаву, придет зима, занесет его снегом.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛАЯ АЛИЦА

Скучно стало Ивану-царевичу, взял он у матушки благословение и пошел на охоту. А идти ему старым лесом.

Настала зимняя ночь. В лесу то светло, то темно; по спелому снегу мороз потрескивает.

Откуда ни возьмись выскочил заяц; наложил Иванцаревич стрелу, а заяц обернулся клубком и покатился. Иван-царевич за ним следом побежал.

Летит клубок, хрустит снежок, и расступились сосны, открылась поляна, на поляне стоит белый терем, на двенадцати башнях – двенадцать голов медвежьих... Сверху месяц горит, переливаются стрельчатые окна.

Клубок докатился, лунь-птицей обернулся: сел на воротах. Испугался Иван-царевич, – вещью птицу застрелить хотел, – снял шапку.

– Прости глупость мою, лунь-птица, невдомек мне, когда ты зайцем бежал.

– Меня Алая-Алица, ясная красавица, жижова пленница, за тобой послала, – отвечает ему лунь-птица, – давно стережет ее старый жиж. – Войди, Иван-царевич, – жалобно прозвенел из терема голос.

По ледяному мосту пробежал, распахнул ворота Иван-царевич – оскалились медвежьи головы. Вышиб ногой дверь в светлицу: видит – на нетопленной печурке сидит жиж, голова у него медная, глазами ворочает. – Ты зачем объявился? Или две головы на плечах? – зарычал жиж. Прицелился Иван-царевич и вогнал золотую стрелу между глаз старому жижу.

Упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и поело терем. Иван-царевич побежал в светлицу. У окна, серебряными цепями прикована, сидит Алая-Алица, плачет... Разрубил цепи, взял Иван-царевич на руки царевну и выскочил с ней в окошко.

Рухнул зимний терем и облаком поднялся к синему небу. Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья.

Откуда ни возьмись прибежали тоненькие, синие еще от зимнего недоеда, русалки-мавки, закачались на деревьях; пришел журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык аукался.

Шум, гам, пение птичьё... И по синему небу раскатился, загрохотал апрельский гром.

И узнали все на свете, что Иван-царевич справляет свадьбу с Алой-Алицей, весенней царевной.

СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХ

Внизу овина, где зажигают тепliny, в углу темного подлаза лежит, засунув морду в земляную нору, черный кот.

Не кот это, а овинник. Лежит, хвостом не вильнет – пригрелся. А на воле – студено. Прибежали в овин девушки, ногами потопали. – Идемте в подлаз греться.

Полегли в подлазе, где дымом пахнет, близко друг к дружке, и завели такие разговоры, что – стар овинник, а чихнул и землей себе глаза запорошил. – Что это, подружки, никак чихнуло? – спрашивают девушки.

Овинник рассердился, что глаза ему запорошило, протер их лапой и говорит: – Ну-ка, иди сюда, которая нехорошие слова говорила! Каждая девушка на себя подумала, и ни одна ни с места. – Ну, что же, – говорит овинник, – или мне самому вылезать?

И стал из норы пятиться... Тут одна догадливая да бедная, сирота Василиса, взяла ржаной сноп, прикрыла его платком и поставила впереди всех. – Вот тебе!..

Выскочнул из норы овинник, пыхнул зелеными глазами и стал сноп рвать, а девушки из овина выбежали и – на деревню, а та, что подогадливей – Василиса, – схоронилась за ворох соломы и говорит оттуда:

– Черный кот, старый овинник, что со мной делаешь, – все тело мое изорвал. Фыркнул овинник, отскочил и кричит: – Очень я злой, погоди – отойду, тогда разговаривай. Подождала Василиса и говорит опять: – Отошел? – Отхожу, сейчас, только усы вылижу... Ну, что тебе надо? – Залечи мне раны... Фыркнул кот в землю, лапой пыль подхватил и мазнул по снопу. А сноп так и остался снопом... – Так ты меня обманула? – говорит кот, а самому уж смешно.

– Обманула, батюшка, – отвечает ему Василиса, – прости, батюшка, да смилуйся – найди мне жениха, чтобы краше его на свете не было.

– Уж больно я сам-то урод, – говорит овинник. – Ну да ладно. – И ударился о землю и стал из черного кота – кот белый и хвостом Василису пощекотал... – Чем тебе не жених?

– Нет, – говорит Василиса, – за кота замуж не пойду; дай мне жениха настоящего.

Подумал овинник, походил по овину, – мыша походя сожрал. Вдруг подскочил к ржаному снопу, заурчал, облизал его, чихнул три раза и сделался из снопа – человек.

– Получай жениха, – говорит Василисе овинник. – Смотри – от сырости береги, а то прорастет.

Василиса взяла человека за руку и вывела его из подлаза, из овина на лунный свет. И встал перед ней молодой жених в золотом кафтане, в шапке с пером. Глядит на Василису и смеется. Василиса поклонилась ему в пояс – и они пошли в избу.

Прошло с той поры много дней. Лег снег на мерзлую землю, завывли студеные ветра, поднялись вьюги.

Соломенный жених живет у Василисы, похаживает по горнице, поглядывает в окошечко и все приговаривает. – Скучно мне, темно, холодно...

И стала Василиса замечать, что жених ее портится, позеленело у него на кафтане и на сапожках золото, ночью стал кашлять, стонать во сне. Раз утром слез с кровати, подпоясался и говорит: – Уйду, Василиса, искать теплого места. – А я-то как же?.. – Ты меня жди.

И ушел, только снег скрипнул за воротами. Жених идет, весь от инея белый. Кругом него мороз молоточками постукивает – крепко ли закована земля, не взломан ли синий лед на реке; по деревьям попрыгивает, морозит зайцам уши.

Хочет жених от мороза уйти, а молоточки все чаще, все больше постукивают, – по жилам, по костям. Остудился жених, а степь бела кругом, ровна.

И повисло над степью, над самым краем солнце, красное и студеное. Жених к солнцу бежит, колпаком машет: – Погоди, погоди, возьми меня в зеленые луга.

И добежал было. Вдруг выскочил из-под снега большой, косматый, крепколобый волк, доскакал большим махом до солнца, обхватил его лапами, прижался пузом, – с одной стороны, с другой приловчился и вонзил клыки в алое солнце.

Завизжали, застучали ледяные молотки, потемнела степь, завыл мертвый лес. Соломенный жених бежать пустился, упал в снег и не помнит, что дальше было.

Василиса, когда одна осталась, пораскинула бабьим умом и пошла к старому овиннику. А чтобы он не очень сердился, сунула под нос ему пирог с творогом и говорит: – Жених от меня убежал, должно быть, замерз, очень жалею его. – Ничего, – отвечает ей овинник, – жених твой в озимое пошел. – А я-то как же?

– Найдешь ты жениха в чистом поле, ляг с ним рядом, а что дальше будет – сама увидишь.

Пошла Василиса в поле, долго шла, не день и не два. Видит – большой сугроб. Разрыла его руками, видит – лежит под снегом жених. Упала на него Василиса, омочила лицо его слезами; жених не шевелится. Тогда легла она с ним рядом и стала глядеть в зимнее белое небо.

Снег Василису порошит, молоточки в сердце бьют, обручи набивают на тело, и говорит Василиса: – Желанный мой.

И чудится ей – голубеет, синее небо, и из самой его глубины летит к земле, раскаляясь, близится молодое, снова рожденное солнце.

Заухали снега, загудели овраги, ручьи побежали, обнажая черную землю, над буграми поднялись жаворонки, засвистели серые скворцы, грач пришел важной походкой, и соломенный жених открыл сонные синие глаза и привстал. Проходили мимо добрые люди, сели на меже отдохнуть и сказали:

– Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки цветы... Душисто.

СТРАННИК И ЗМЕЙ

Багряное солнце садилось над мерзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник. Полушубок на нем древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами.

Ни молод странник, ни стар, а взглянешь на него – под усами умильная улыбка, глаза серые, ласковые, смешливые. Подходит он к Акулининому двору, шапку снял и говорит ласково: – Скучно тебе, милая? Увидала странника Акулина, кинулась за ворота. – Странник божий, взойди, сделай милость.

Взошел странник, сел на лавку. Утощает его вдова, а сама пытается – откуда да куда, не слышал ли про счастье: лежит, говорят, оно в океане, под горячим камнем. Странник наелся, напился, ложку положил и спрашивает: – Ну, а ты, милая, все – маешься? Забилась Акулина на лавке.

– Такая маета – сказать не можно: сушит змей белое мое тело, сосет сердце, ночи до утра глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет на дворе – не зверь, не человек... Улыбается странник, светятся глаза его.

– Силен враг, Акулина, трудно тебе, трудно. А ведь свистнет – опять побежишь? Заголосила Акулина:

– Страшно мне, ночь придет, сама ко врагу потянусь, а днем руки бы на себя наложила. Погладил ее по голове странник, и затихла молодая баба.

– Тетенька Акулина, – позвал в окно девичий голосок, – на посиделки тебя кличут, пойдешь? А там поглубже заглянул любопытный глаз. – Ты и странника приводи, сказку скажет! Рассмеялась и убежала, а странник говорит: – Что же, Акулина, пойдём, куда зовут. Акулина ушла за перегородку прибираться, а странник у окна запел: Ходила во синем море, Ходила белая рыба, Ходила, била плесом По тому ли синю морю: Ты раздайся, синее море, На две волны, на два берега. Ты выплесни, выкини Алатырь, горяч камень.

Слушает, вздыхает Акулина за перегородкой; прибралась, вышла, – красивая, глаза мрачные. – Ну, пойдём, странник.

Пришли на посиделки. А там народу набилось, как грибов в лукошко; тренькают на балайке, подплясывают, подпевают, шутки шутят, и в сенях, и на лавках, и на печи – понабились. Странника обступили, просят. – Спой нам, скажи сказку. Странник сел у двери и запел опять про то же: Ходила во синем море,

Ходила белая рыба. Пригорюнились девицы, подсели к парням. Кто с печи голову свесил, кто с полатей. Расселись парами – стало тихо. Одна Акулина без друга, как куст обкошенный. Сдвинула брови, белая кипень, стоит посреди избы, под сарафаном грудь ходуном ходит. – Акулина, Акулина, обойдись, – говорит странник.

А у нее глаза уж как озеро. Дрожит дрожью. В это время просвистел за окном змеинный свист. Дрогнула Акулина и – к двери. – Не ходи, Акулина! – Пусти!

Выскочила на улицу; странник за ней и схоронился в сенях. Акулина стала посреди двора и шепчет: – Лети... лети.

И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором черный змей, раскинул крылья, опустился на снег.

Встал на лапы, лебединую голову протянул к Акулине и языком – облизнул ей белое лицо. А странник подкрался, оттолкнул Акулину да змея по голове лестовкой и ударил.

Взметнулся змей и рассыпался просом, а странник петухом обернулся – зерна клевать.

Не дала ему, упала на петуха Акулина, ухватила за крылья и в избу поволокла. – Оборотень, – закричала Акулина, – рубите ему голову! Петух вырвался – да под лавку, крыльями

бьет, в руки не дается. Заметался народ по избе, петуха ловят. Поймали, у Акулины и топор в руках. – Клади его на порог!

Вытянули за голову, за ноги петуха. Размахнулась Акулина топором... Да так и застыла у нее рука. Пропали стены. Вместо девушек – березы в инее, парни – ели, а Акулина – ива плакучая, вся в сосульках.

На пне сидит странник. Улыбается, сияют серые глаза. Возле на снегу лежит петушиное перо. Поднял странник перо, пустил по ветру, сказал:

– Лети, перышко, где сядешь, туда и я скоро приду; много еще мне исходить осталось, увертлив змей, не пришло его время.

ПРОКЛЯТАЯ ДЕСЯТИНА

Клонит ветер шелковые зелена, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идет крепкий, ржаной дух.

Одна только невсхожая полоса с бугра в лощину лежит черной заплатой – десятина бобыля... У десятины стоит бобыль; ветер треплет непокрытую его голову.

– Эх, – говорит бобыль, – третий год меня мучаешь, проклятая! – Плюнул на родную землю и пошел прочь.

Проходит неделя. В четверг после дождя встречает бобыля шабер и говорит ему: – Ну, брат, и зелена же у тебя, – все диву даемся, ужо заколосятся... – Врешь! – сказал бобыль... И побежал на свою десятину.

Видит – выпустили зелена трубку, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос.

На чудо не надувается бобыль, а кошки сердце поскребывают: зачем проклинал родную землю.

Собрал бобыль урожай сам-тридцать; из пудовых снопов наколотил зерна, и муку смолол, и замесил из первого хлеба квашню, и лег подремать на лавке...

Ночь осенняя бушевала ледяным дождем, хлопали наотмашь ворота, выл в трубе ветер.

В полночь поднял бобыль голову и видит – валит из квашни дым. Надувшись, слетела покрывка, и поползло через края проклятое тесто, рассыпалось на полу землей...

Смекнул бобыль, что с мукой-то не ладно, повез мешки в город к старому пекарю...

Пекарю муку эту продал, деньги зашил в шапку; потом шапку распорол и деньги все пропил, и, когда домой собрался, не было у него ни денег и ни подводы, – один нос разбитый.

Пекарь в то же время замесил из бобылевой муки кренделя, поставил в печь и когда пришло время, – вытащил на лопате не поджаренные кренделя, а такие завитуши и шевырюшки, что тут же обеспамятел и послал жену к дворянину продать муку за сколько даст.

Дворянин сидел в саду, одной рукой держал наливное яблочко, другой писал записки. – Что тебе, милая? – сказал дворянин тонким голосом и прищурился.

– Насчет пшеничной муки, – сказала пекарева жена, – старик-то мой больно плох...

Купил дворянин в долг проклятую муку и пригласил детей дворянских пирожки с вареньем кушать.

Под сиреневым кустом сели дворянские дети, взяли каждый по пирожку и откусили, а в пирожке лапти – крошеные, старые онучи, щепки, – всякая дрянь. Побросали дворянские дети пирожки и подали на дворянина в суд. Прослышал про все это дело король и сказал: – Я их всех сам буду судить.

И встали перед светлые его очи: дворянин, пекарь и бобыль... Бобыль как встал, так и глаза разинул и босой ногой почесал ногу.

Король велел объявить все, как было. Выслушал. Державой и скипетром потряс и говорит:

– Проклял ты, бобыль, родную землю, и за то тебе будет наказание великое.

И приказал мужика отвести вместе с мукой на проклятую десятину, чтобы всю муку приел... Так и сделали... Посадили бобыля посреди его земли и ковшом в рот стали муку сыпать. Три раза попросил бобыль водицы, целую меру приел.

Приел, и распучило. Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы, а волосы стали дыбом, как репей. Кругом бобыля порос густой и непролазый бурьян по всей десятине.

И долго спустя слышали в колючих порослях – жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль.

ЗВЕРИНЫЙ ЦАРЬ

У соседа за печкой жил мужичок с локоток. Помогал соседу кое-чем, понемножку. Плохое житье на чужих хлебах. Взяла мужика тоска, пошел в клеть; сидит, плачет. Вдруг видит – из норы в углу высунулась мордочка и повела поросычьим носом. «Анчутка беспяты́й», – подумал мужичок и обмер. Вылез анчутка, ухо наставил и говорит: – Здравствуй, кум! «Какой я ему кум», – подумал мужичок и на случай поклонился.

– Окажи, кум, услугу, – говорит анчутка, – достань золы из-под печки; мне через порог перейти нельзя, а золы надо – тещу лечить, – плоха, объелась мышами. Мужичок сбегал, принес золы, анчутка его благодарит: – За службу всыплю я тебе казны, сколько в шапку влезет. – На что мне казна, – отвечает мужичок, – вот бы силой поправиться! – Это дело пустое, попроси звериного царя... И научил анчутка, как к звериному царю попасть и что говорить нужно. Мужичок подумал – все равно так-то пропадать, и полез в крысиную нору, как его учили.

Там темно, сыро, мышами пахнет. Полз, полз – конца не видно, и вдруг полетел вниз, в тартарары. Встал, почесался и видит: вода бежит, и привязана у берега лодочка, – с малое корытце.

Сел мужичок в лодочку, отпихнулся, и завертелся, помчался – держи шапку.

Над головой совы и мыши летают, из воды высовываются такие хари – во сне не увидишь.

Наконец загорелся свет, мужичок пригреб к берегу, выпрыгнул на траву и пошел на ясное место. Видит – высоченное дерево шумит, и под ним, на семи шкурах, сидит звериный царь.

Вместо рук у царя – лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде – тысяча глаз.

А кругом – звери, птицы и все, что есть на земле живого – сидят и на царя посматривают. Увидал мужичка звериный царь и закричал: – Ты кто такой? Тебе чего надо? Подошел мужичок, кланяется: – Силешки бы мне, батюшка, звериный царь... – Силу или половину? – Осьмухи хватит. – Полезай ко мне в брюхо!

И разинул царь рот, без малого – с лукошко. Влез мужичок в звериный живот, притулился, пуповину нашел, посасывает. Три дня сосал. – Теперь вылезай, – зовет зверь, – чай, уж насосался.

Вылез мужичок, да уж не с локоток, а косая сажень в плечах, собольи брови, черная борода.

– Доволен? – спрашивает царь. – Выйдешь на волю, поклонись чистому полю, солнцу красному, всякому жуку и скотине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.